НА СТРАЖЕ СОВЕТСКИХ МОРСКИХ ГРАНИЦ

ГЕРОИ КРАСНОЗНАМЕННОЙ „Щ—324“

Подводная лодка входила в гавань. Вечернее солнце бросало последние блики на искрящиеся тросы, на корабль, покрытый ледяной корой.

На мостике стояли командиры. С волнением, восторгом, который дано испытать не часто, они оглядывались вокруг. Вот она, земля, родная, во имя которой они шли в бой, совершили этот оставшийся уже позади трудный переход. Земля, советская гавань!..

Первые часы дружеской, теплой встречи прошли быстро. Командиры подводной лодки «Щ-324» остались одни в двух комнатах небольшого особняка.

Здесь был капитан 3-го ранга Анатолий Кожнев, молодой, высокий, с светлыми голубыми глазами и мягкими чертами лица. Рабочий, затем педагог в прошлом, он связал свою жизнь с флотом и за шесть лет прошел славный путь от краснофлотца до командира подводного корабля.

Рядом сидел старший политрук Николай Юриных, широкоплечий сибиряк. 14 лет прослужил он на подводных кораблях. Был боцманом, стал политическим руководителем.

Старший лейтенант Георгий Тархнишвили нервнисто шагал по комнате. Нетерпеливый, подвижный, он в годы учебы обнаружил редкую усидчивость и окончил училище им. Фрунзе с отличием.

Трое самых молодых в этой дружной семье—штурман Василий Шумаков, минер Николай Покровский и механик Борис Рысин в дни тяжелых боевых испытаний проявили себя опытными, волевыми командирами.

...Анатолий Кожнев подошел к жарко натопленной печке.

— Погрейтесь, Тархнишвили,—пошутил он. Здесь, мне кажется, теплее, чем в отсеках.

Все улыбнулись: вспомнилась стужа, неразлучная спутница их похода, недели, проведенные без отдыха в тяжелой меховой одежде, которую не снимали ни днем, ни ночью...

* * *

Новый 1940 год экипаж подводной лодки «Щ-324» встретил в море. Свирепствовал шторм. О стальные борта непрестанно били крупные льдины, мороз подхлестывал каскады брызг и укладывал их на палубе белой сплошной пеленой.

Корабельный журнал сохранил скупые записи, повествующие о делах, которые звучат, как героическая поэма.

— Идем вдоль вражеского берега, в пределах видимости.

— Форсировали полосу минного заграждения врага.

— Уклонялись от торпед, выпущенных по лодке.

— Двое суток идем уже по счислению, не видя в метель ориентиров.

...Шторм усиливался и вскоре достиг чудовищной силы, 11—12 баллов! Кожнев последний раз осмотрел горизонт и отдал команду погружаться.

Глубиномер показал 25 метров.

Но покоя не было и здесь. Бушующее море подбросило лодку и ударило ее о грунт. Переменили место. Только на глубине вдвое большей стало относительно спокойнее.

Пробыв сутки под водой, решили всплывать.

Наверху попрежнему свирепствовал ураган. Лодка обмерзла. Слоем льда покрылись меховые регланы подводников.

...Утром подошли к участку, покрытому паутиной шхер. Кожнев, часами не отходивший от перископа, увидел на горизонте дым. Район для атаки неудобен—банки, мелкие места. Но командир решил идти на сближение.

В отсеках прозвучал сигнал боевой тревоги. Все заняли свои места. Команду охватило возбуждение, обычное перед боем. Воля, усилия десятков людей концентрируются в одно целое—в решение командира, в торпедный залп...

Расстояние сократилось. Уже ясно видна колонна—три вражеских транспорта, идущие под конвоем двух военных кораблей.

— Торпеду по второму в колонне транспорту, следующим залпом поразить идущий позади пароход!

Стальные сигары—торпеды помчались в борта вражеских кораблей. Загрохотали взрывы.

Волна подбросила подводную лодку. На мгновение из-под воды показался перископ. Этого было достаточно. С бешеной скоростью приближался неприятельский катер.

— Заполнить цистерны главного балласта!

Команда звучала спокойно, словно на учении.

Глубиномер показал 18 метров, когда над кормой разлался взрыв. Из отсека сообщили на центральный пост:

— Рвутся бомбы.

Несколько серьезный тон донесения не понравился командиру. Кроме того, допущено отклонение от уставной формы. Командир сделал замечание краснофлотцу и предложил повторить сообщение. Это подействовало успокаивающе.

А бомбы пачками рвались над уходящим вглубь кораблем, окружая его смертельным кольцом взрывов.

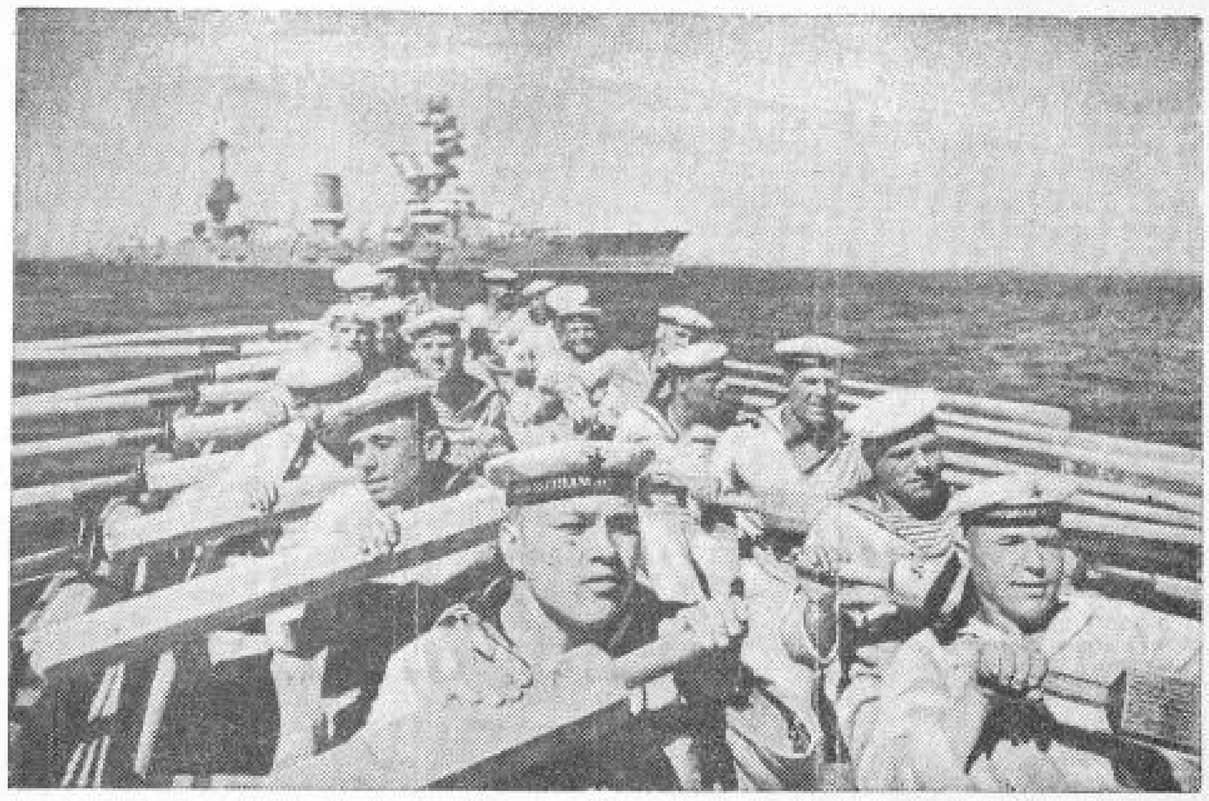
Командир изменил курс, затем остановил машины. Их шум мог выдать местонахождение лодки.

На глубине 50 метров лежали долго. Николай Юриных и на этот раз остался верен себе: он ходил по отсекам, об'яснял обстановку, шутил. От грузной фигуры, широко улыбающегося лица политрука веяло спокойствием.

...Закончилась дозовая вахта. «Щ-324» взяла курс к родным берегам. Снова ледяные поля, приливы, где подстерегал враг, минные заграждения.

Родина восторженно встретила своих отважных сынов. С гордостью узнали балтийцы и вся страна, что Указом Президиума Верховного Совета СССР подводная лодка «Щ-324» награждена орденом Красного Знамени, Анатолию Кожневу присвоено звание Героя Советского Союза, орденами награждены Николай Юриных, Георгий Тархнишвили и многие другие командиры и бойцы этого героического подводного корабля.

З. САМОЙЛОВ.



Краснознаменный Балтийский флот. Соревнования краснофлотцев по гребле.

Фотохроника.

„Матросская рота“

В январе 1940 года над Балтикой вновь прозвучали слова, от которых веет славой девятнадцатого года,—«матросская рота». Старая боевая слава балтийских матросов революции ожившей легендой встала над страной, непоколебимая, непреклонная и гневная, какой она была в незабываемые годы гражданской войны. Третье поколение балтийцев через двадцать лет, подхватив героическую эстафету, подняло эту старую славу на новую высоту, озарило ее новыми подвигами во имя революции, во имя родины, во имя Сталина.

И если б могли встать из холодной балтийской воды отцы и братья наши, моряки-балтийцы, погибшие здесь в лютой нерушной борьбе с английским королевским флотом и с армиями интервентов, и если б взглянули они на наши корабли и самолеты, на наши подводные и береговые орудия, на нашу молодежь и на героев наших, — «эх, и славное выросло племя!—хорошие сыны повырастали!..» И еще подивились бы они, как ходят подводные лодки наши сквозь лед и под лед, как летают самолеты наши сквозь облака и над облаками. И узнали бы старики свой веселый боевой дух, балтийский победный дух, могучий и неукротимый,—узнали бы и в делах Балтийского флота, и в шутках его моряков, и в стремительности атак, и в беззаветности героизма, и в непреклонной воле к победе. И еще увидели бы они знакомую сталинскую фигуру, как видели ее рядом с собой под снарядами «Красной Горки», потому что Сталин—в каждом бое, в каждом полете, всегда и везде был в сердцах молодых балтийцев, и мысль о нем помогала им побеждать.

Это название—«матросская рота» — не пошло ни в приказы, ни в сводки. Оно родилось само собой в заснеженных лесах на берегу Финского залива, где в лютой стуже, бой в бой с частями Красной Армии балтийские краснофлотцы прорывали линию Маннергейма. Как в дни гражданской войны, когда на призыв Ленина Балтика мгновенно выставила первый экспедиционный отряд в 10 тысяч матросов, так и теперь Краснознаменный Балтийский флот послал на берег бойцов.

* * *

Морозная ночь. Недвижно и таинственно стоит густая чаща высоких деревьев и лишь по тому, как она обрывается, будто срезанная ножом, понятно, что здесь берег кончился и начался лед. Берег и лед неразличимо залиты глубоким—по пояс—снегом, и белая его пелена уходит в бесконечность, в белесую неверную мглу утробной луны. В таинственном этом мерцании бесшумно и быстро проносятся белые тени. Они похожи на привидения, и только по жарному дыханию, слышному, когда тени эти проходят плотную около тебя, угадываешь под белыми халатами молодые, разгоряченные тела. Это «матросская рота» пошла на лед. Куда? Может быть в обход на десятки километров в тыл островной белофинской батарее, может быть в смелый рейд по глубоким тылам, может быть—в разведку в такие же густые, таинственные леса, где стреляет каждое дерево и прорывается каждый пень, может быть в дерзкую лобовую атаку прибрежных укреплений...

Их водил туда капитан Лосяков, водил и тогда, когда голос его, простуженный в пятисуточном лежании на льду, отказал, и для передачи команд пришлось держать при себе одного из лыжников в качестве «усилителя». Он водил их и тогда, когда простреливаемая левая рука повисла на перевязи, а обмороженное лицо исчезло под бинтами, водил и тогда, когда получил вторую рану.

Был такой закон в балтийском отряде: коммунист и комсомолец—береги в бою своего командира. И вот как он выполнялся.

Небольшая группа краснофлотцев-лыжников, бывшая на разведке в тылу врага, оказалась в труднейшем положении. Внезапно вспыхнувший прожектор и ливень ружейно-пулеметного огня, хлынувший из засады, отделили эту группу от остального отряда, и она попала в окружение сильнейшего противника. Командир отделения Морозов сразу же был ранен. Тогда команду принял на себя заместитель политрука Николай Добросмысов. Он сумел вывести краснофлотцев из огня и повел на прорыв. В жестоком рукопашном бою, действуя штыком, гранатой и пулей, пробиваясь сквозь чащу леса, сквозь превосходящие силы врага, уходили к своим краснофлотцы-лыжники. Среди них отлично дрался комсомолец Александр Посконкин, молодой краснофлотец, начавший флотскую службу всего четыре месяца назад. Он успел уже уложить штыком и гранатой шестерых белофиннов, когда внезапно в неверном свете луны заметил на снегу перекатывающуюся груду тел: это белофинн «вручную» душил Морозова, прижавши его всем своим телом и не давая тому вытащить прижатый им наган. Под градом пуль, летевших из чащи, Посконкин ринулся на помощь к командиру. Изловчившись, он сбросил с него врага ударом штыка, подхватил Морозова себе на плечи и, отстреливаясь, вынес его из боя. Он пронес его на себе по льду девять километров до берега, сдал на перевязочный пункт, поправил лыжи и помчался к отряду...

Стремительные и выносливые лыжники-краснофлотцы были той боевой частью, которую можно было послать куда угодно—в шестидесятикилометровый марш на острова, во внезапный налет на фланг на выручку и поддержку к атакующим укрепления частям. Но они же умели, если надо, сутками лежать на льду.

Это было в середине февраля. Мороз окончательно распоясался, и тридцать градусов ниже нуля считались «теплой погодой». Балтийский отряд брал береговые противодессантные укрепления. Они были расположены на горе, в лесу, скрытые, не видные под снегом и ветвями, броневые и бетонные ДОТ'ы. Лес перед ними был полон снайперов, гнездившихся на деревьях в меховых спальных мешках и на выбор бивших по любой цели, показавшейся на снежном пляже и на льду перед берегом. Балтийцы залегли в торосах, в четырехстах метрах от берега. Пять суток провели они на льду, прячась за торосами. Достаточно было приподнять над льдиной шлем, чтобы в него щелкнула пуля снайпера или короткой, точной очередью хлестнул пулемет из амбразуры ДОТ'а. Четыреста метров ровного льда, засыпанного снегом, были непроходимы. Но краснофлотцы преодолели это страшное голое пространство и ворвались в укрепления.

Днем балтийцы лежали за торосами, изредка развлекаясь охотой за снайперами. Ночью же торосы оживали. С тыла по льду приходили с берега друзья — балтийцы. Они привозили на санках, на спаренных лыжах ящики с патронами, термосы с горячим флотским борщом, родную газету «Боевая Балтийская», отпечатанную тут же в лесу на хитром агрегате из грузовика, фанеры и типографской машины, которую самоотверженно вертел сам редактор, заменяя мотор. Потом к заходу луны краснофлотцы пускались в опасный путь по открытому пространству, где, кроме снега, не было никакого прикрытия от пуль.

Им помогала точная стрельба балтийских артиллеристов. Далекая батарея клала снаряды в ДОТ'ы и перед ними, прошивала шрапнелью прибрежный лес, усеянный снайперами. Но ни один снаряд не падал в заветное пространство в четыреста метров между торосами и берегом, оставляя дорогу для наступления. За этим следил молодой лейтенант, «полпреда» артиллерии на льду: за много километров от своей батареи он корректировал огонь, пользуясь услугами радиста Андреева, притащившего в торосы трофейную финскую переносную станцию.

Веря в точность балтийской артиллерии, краснофлотцы по одному отправлялись в «подснежное плаванье», вплотную к разрывам наших снарядов. Они оставляли ненужные им теперь лыжи, вырывали в снегу перед торосами подобие снежной ванны, ложились в нее и стальным шлемом, одетым на голову, начинали сверлить ход в снежной стене. Медленно, метр за метром, они ползли в снегу, как кроты, скрываясь от тех белофинских стрелков, которых не отгоняла от амбразур артиллерия. Они проползали так открытое пространство, добирались до берега и там окапывались, зарываясь в снег и в землю на весь следующий день.

На четвертые сутки белофинны, очевидно, поняли этот маневр. Они решили рассчитаться с балтийским отрядом. На помощь осаждаемым укреплениям пришла тяжелая артиллерия острова Гогланд. Она открыла огонь.

Первый десятидюймовый снаряд разорвался метрах в двухстах от торосов, где засели балтийцы. Черная вода прорвалась в образовавшемся озерке. Одно дело—быть под обстрелом тяжелыми снарядами на земле и совсем другое—на льду. Черное озерко воды убедительно доказывало эту разницу. И радист Андреев, молодой краснофлотец, до сих пор считавшийся отважным и спокойным бойцом, внезапно «сдал», потеряв «политико-моральное состояние». Он забыл про свои воды и шифры, он закричал пронзительным голосом прямо в микрофон:

— Товарищ лейтенант! Нас нащупало Гогланд! Первый снаряд прямо в нас! Перелайте на Красную Горку, пусть стреляют по Гогланду, а то нам капут!..

Новый взрыв заглушил его слова, снаряд упал там же, в отдалении от балтийцев, и ни одного осколка даже и не просвистело над торосами, но Андреев продолжал панически требовать в микрофон, чтобы огонь Гогланду подавили, но второй снаряд разорвался в самой середине отряда...

К Андрееву подползли комсомольцы, возмущенные и яростные. Они готовы были вырвать у него из рук микрофон, но Андреев, прикрыв микрофон ладонью, сказал неожиданно спокойным и нормальным голосом:

— Не хватай, дурак. Они же меня слушают...

Станция была, как сказано, трофейная, с определенной длиной волны, и не раз Андрееву приходилось перебрасываться на этой волне с белофиннами. Расчет его оказался верным: белофинны на Гогланде, подслушав «ценную информацию» со льда, усилили огонь. Десятки огромных снарядов с упорством и точностью, достойными лучшего применения, долбили лед вдали от отряда. Скоро там образовалось целое озеро... Проморочив так врага порядочное время и понерасходовав впустую достаточное количество их снарядов, Андреев прекратил работу. Прекратился и обстрел ни в чем не повинного льда. Видимо на батарее решили, что отряд в торосах уничтожен полностью.

А ночью лыжники своим «подснежным плаванием» окончательно перебрались на берег и ринулись в решительную атаку.

СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ

За пять лет, что я нахожусь на борту боевого корабля, наш молодой Северный флот неузнаваемо изменился. Боевые единицы Северного флота имеют такие приборы и вооружение, каких нет нигде в мире. Да это и понятно: флот несет свою службу в суровом и капризном море.

До создания Северного флота считалось, что при штормовой волне плавание подводной лодки, мягко выражаясь, опасно. А мы не только плаваем при такой волне, но и перекрываем все нормы плавания, ибо «ждать у моря погоды» нельзя.

В условиях полярной зимы, когда развертывались подлые действия против белофиннов, наша подводная лодка вместе с другими кораблями подводного плавания несла дозорную службу. При морозах, доходивших до 30—35 градусов при декабрьском ветре и крепе в 35 градусов подводники нормально занимались своим делом.

Однажды волнами, ветром и ударами ледяных глыб было повреждено рулевое управление подводной лодки. Возвращение на базу казалось неизбежным. Но бросить свои «клетки» — значит ослабить фронт. На это красные моряки не могли согласиться. А нельзя ли исправить повреждение здесь, в море? Да, трудно, опасно, но—можно. За эту работу взялся я с несколькими товарищами. Деталь рулевого управления, весящая 15 пудов, была исправлена и поставлена на место. Лодка ни на минуту не оставляла своего боевого участка.

Правительство высоко оценило наш труд и наградило многих из нас орденами и медалями Советского Союза. Я был награжден орденом «Красной Звезды».

Команда нашей подводной лодки помнит указания великого вождя, которые он сделал во время посещения нашего корабля летом 1933 года. В числе задач, поставленных перед нами товарищем Сталиным, была и задача—как можно лучше беречь здоровье краснофлотцев, растить и воспитывать их.

И наша лодка стоит на одном из первых мест в Северном флоте по сохранению и выращиванию кадров. Так, бывший боцман А. С. Соснин теперь политработник, он награжден орденом Ленина. Михаил Луговой был старшиной группы, а сейчас вот уже третий год он бессменный секретарь партийной комиссии. Рулевой Иван Сазонов стал политработником. Бывший радист Нечаев работает начальником одной из полярных северных станций. Рядовые краснофлотцы Пухов, Свиньин и десятки других стали руководящими работниками флота, партийных организаций, гражданских предприятий.

Уважением пользуется в нашей команде воентехник II ранга Сергей Петрович Белов, один из старейших подводников. Рядовой краснофлотец, он своей настойчивостью, любовью к делу выдвинулся в командиры группы движения. За боевые заслуги т. Белов награжден орденом «Красная Звезда». Много в Северном флоте людей, которыми гордится вся страна.

Северный и Краснознаменный Балтийский флоты вместе с Красной Армией нанесли врагу сокрушительный удар. Такой же удар получит любой враг, посмевший нарушить наши границы, где бы это ни было—на земле, в воздухе, на воде или под водой.

Порукой этому—наша боевая выучка, железная воля наших командиров, наш советский народ, партия, непобедимое учение Маркса — Энгельса—Ленина—Сталина. Порукой этому—наша любовь к родине, к великому Сталину, ведущему нас от победы к победе.

В. ФЕДОТОВ,
младший командир, орденоносец.

На II-ской подводной лодке (Северный флот).

Фотохроника ТАСС.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ НА КОРАБЛЯХ

Тихона Суханова с детства манило море. И когда в призывной комиссии ему задали вопрос, какой род войск он желает избрать, Тихон Суханов, не задумываясь, ответил:

— Хочу служить в морском флоте.

Его желание удовлетворили. Осенью тов. Суханова провожали на службу во флот родные и колхозники Трубежского сельсовета, Обоянского района. Отец, поднимая руку сыну, напутствовал:

— Служи народу честно, зорко стереги морские границы.

Отцовскую заповедь Тихон Суханов выполняет с честью и достоинством. Через год он уже умело водил шлюпку под парусами. В часы досуга с большой жадностью читал литературу по военно-морской службе. Вскоре он сдал на «отлично» экзамен на младшего командира.

После экзамена тов. Суханова перевели на другой корабль. Здесь он с настойчивостью добивался первенства в боевой и политической учебе. Краснофлотцы, находящиеся под его командованием, всегда во время боевых учений неизменно выходили победителями.

Тов. Суханов в числе первых младших командиров подал докладную записку об оставлении его на сверхсрочной службе. Его выдвинули старшиной группы, а затем и главным боцманом корабля. С новой работой справляется отлично. Им воспитаны десятки краснофлотцев и младших командиров. За хорошую службу тов. Суханов имеет много благодарностей и премий.

Недавно Тихона Суханова приняли в члены ВКП(б). С большевистской напористостью он овладевает марксизмом-ленинизмом, изучает «Краткий курс истории ВКП(б)» труды Маркса—Энгельса—Ленина — Сталина.

Много бывших колхозников Курской области служит на кораблях и в частях Черноморского Военно-Морского Флота. Все они являются достойными сынами нашей родины, с честью выполняют возложенные на них обязанности. Бывший колхозник сельхозартели им. Коминтерна, Ястребовского района, Петр Дмитриевич Панин был рядовым краснофлотцем. С огромным желанием он изучает сложную военно-морскую технику. За высокие показатели в боевой и политической учебе тов. Панин назначен младшим командиром. Боевые стрельбы из орудия выполняет только на «отлично», имеет ряд благодарностей, занесен на доску почета.

Недавно тов. Панин принят кандидатом в члены ВКП(б).

Заметно вырос Алексей Андреевич Евдокимов. В прошлом он колхозник одной из сельхозартелей Кожушевского района, а сейчас назначен командиром орудия. Как активного комсомольца его избрали в состав президиума комсомольской организации.

Комсомолец Г. В. Зайцев (из Ивницкого района) пришел во флот рядовым. Благодаря настойчивой работе над собой он стал младшим командиром. Боевые задачи выполняет отлично. Получил более двадцати благодарностей от командования, занесен на доску отличников боевой и политической подготовки.

Инициативным командиром стал бывший колхозник сельхозартели «Путь к советской жизни», Большие-Полянского района, И. В. Карабаин. Сейчас он выдвинут на должность старшины группы подразделения, также принят в ряды большевистской партии.

Бывшие колхозники Курской области с достоинством и честью выполняют свой воинский долг и в любую минуту готовы выступить на защиту своей родины.

Краснофлотец И. КОЧЕТОВ.

г. Севастополь.